

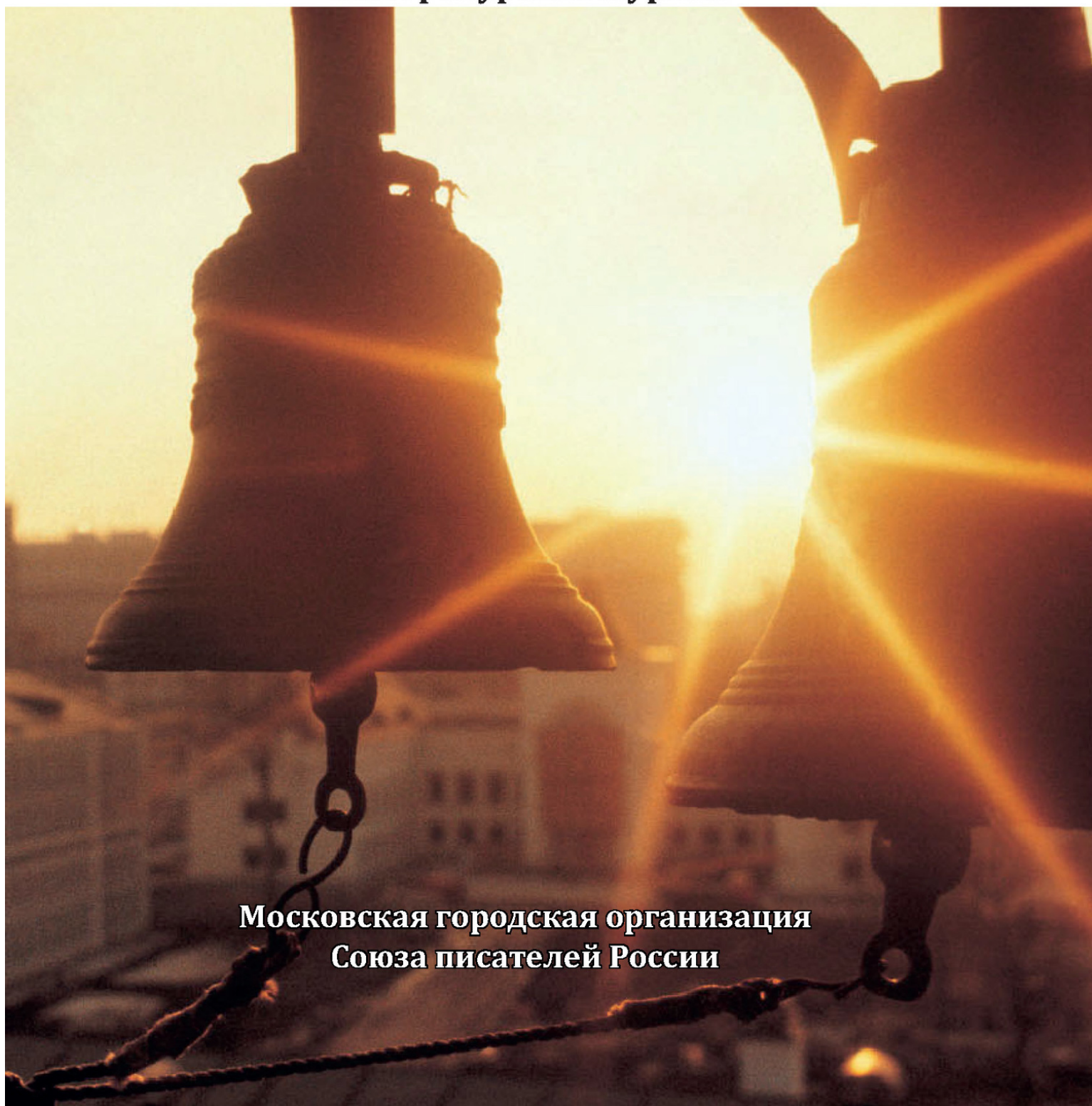
Журнал

№ 1-2, 2019

Российский КОЛОКОЛ

Литературный журнал

Московская городская организация
Союза писателей России

Журнал «Российский колокол»

Коллектив авторов

Российский колокол №1-2 2019

«Интернациональный Союз Писателей»

2019

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Российский колокол №1-2 2019 / Коллектив авторов —
«Интернациональный Союз Писателей», 2019 — (Журнал
«Российский колокол»)

ISBN 978-5-00153-075-6

Перед вами первый в новом году номер литературного журнала «Российский колокол». Это – классическое объемное литературное издание для читателя с взыскательным вкусом. Что вы найдете в свежем выпуске? Мы приоткроем завесу: в журнале нет бульварного чтива, сентиментальных любовных романчиков, ироничных детективных рассказов. В «Российском колоколе» представляем только высококачественную художественную литературу, публицистику, литературоведение, драматургию. А также предлагаем вашему вниманию творческие портреты писателей, яркие образы молодых талантливых авторов, их произведения. Имена авторов, которые зазвучат в первом выпуске «Российского колокола», – это знаменитые имена из первых рядов современной литературы, и те, кто только набирают литературный вес.

УДК 82.161.1(051)
ББК 82(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00153-075-6

© Коллектив авторов, 2019
© Интернациональный Союз
Писателей, 2019

Содержание

Слово редактора	6
Современная проза	8
Леонов Анатолий	9
О Шекспире, контрабасе и необоснованных подозрениях	10
Они любят!	11
Синдром Электры	13
Суицид и прочие неприятности	20
Драматургия	23
Бобров Глеб	24
Поцелуй рыси	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Журнал «Российский колокол»

Выпуск № 1–2

Главный редактор Максим Замшев

Первый заместитель главного редактора Александр Гриценко

Шеф-редактор Анастасия Лямина

* * *

Слово редактора

Анастасия Лямина

Член Интернационального Союза писателей, журналист, публицист.

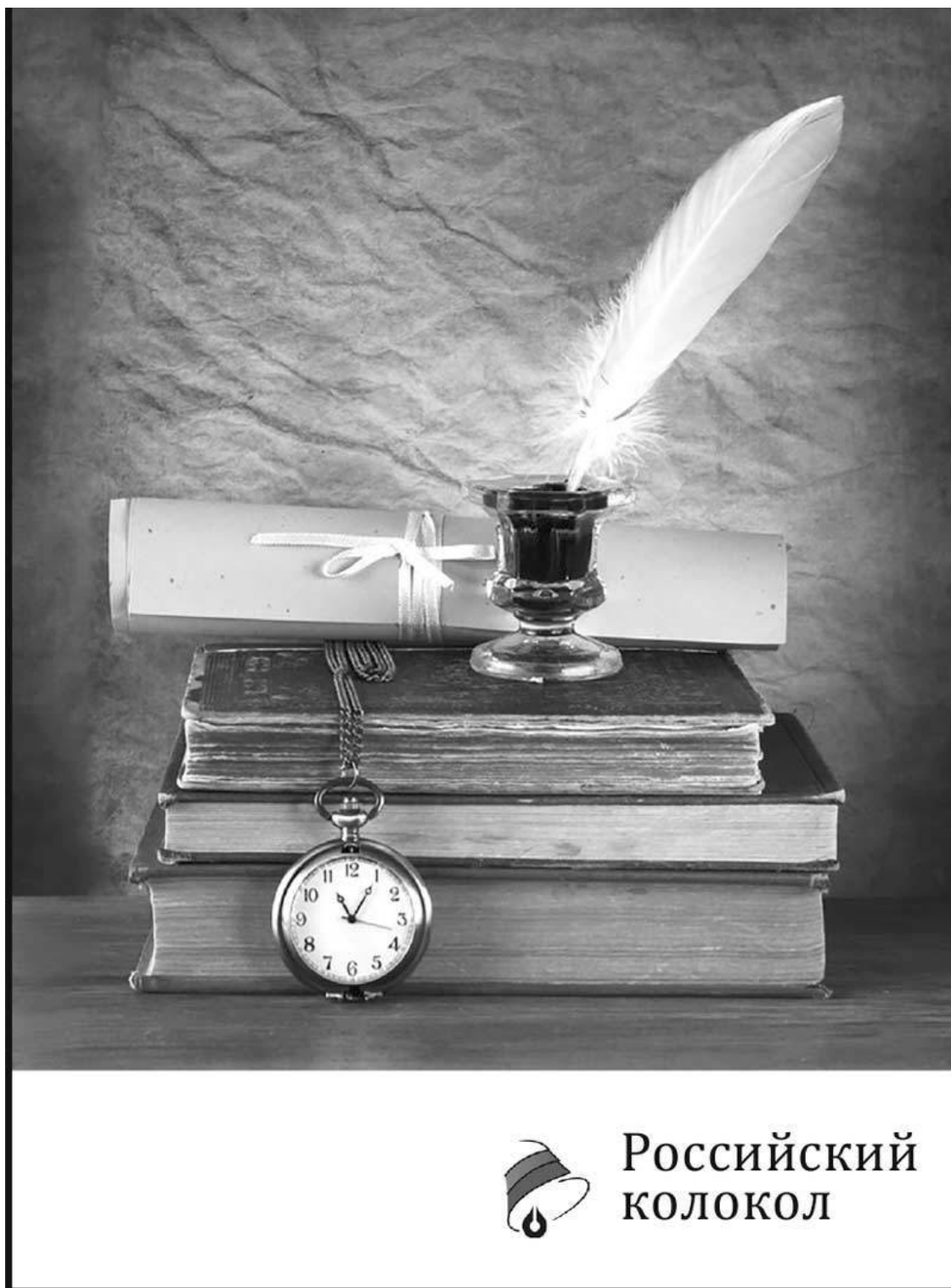
Перед вами первый в новом году номер литературного журнала «Российский колокол». Это – классическое объемное литературное издание для читателя с взыскательным вкусом.

Что вы найдете в свежем выпуске? Мы приоткроем завесу: в журнале нет бульварного чтива, сентиментальных любовных романчиков, ироничных детективных рассказов. В «Рос-

сийском колоколе» представляем только высококачественную художественную литературу, публицистику, литературоведение, драматургию. А также предлагаем вашему вниманию творческие портреты писателей, яркие образы молодых талантливых авторов, их произведения.

Имена авторов, которые зазвучат в первом выпуске «Российского колокола», – это знаменитые имена из первых рядов современной литературы, и те, кто только набирают литературный вес.

Современная проза

Российский
колокол

Леонов Анатолий

Русский писатель, сценарист. Родился в городе Климовске Московской области в 1963 году. По образованию культуролог.

Член Союза писателей России (СПР) и Международной Федерации русскоязычных писателей (IFRW). Секретарь правления Интернационального Союза писателей.

Победитель литературных конкурсов и международных фестивалей.

Публикуется в России, США, Европе и Австралии. Переводился на венгерский, румынский, немецкий, шведский, итальянский и японский языки.

Один из организаторов и ассоциированный продюсер Международного кинофестиваля имени Саввы Морозова (<http://morozovfest.ru>).

Живет в Москве.

О Шекспире, контрабасе и необоснованных подозрениях

Сколько слышу: «Ах, Шекспир! Ах, гений!» А что в нем такого особенного? Его в подлиннике даже в Англии никто не читал. Да и вообще – конъюнктурщик. У него, как в китайской Книге Перемен, о чем ни спросишь, все в точку попадет! Вот беру «Гамлета», открываю наугад, читаю, а там принц говорит своему приятелю:

– Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам.

И чего сказал? Сказал-то хорошо, да ни о чем! Так любой сказать может. Сам иногда насмотрюсь на людей вокруг – никакого Шекспира не надо! У меня недавно сосед в поликлинику анализ мочи понес, в бутылочке, а фамилия соседа – Лимонад! Понятное дело, с такой фамилией лучше дома сидеть и лишний раз не высовываться. А уж если довелось, то не ходить по поликлинике с бутылочкой, где фамилия крупными буквами на этикетке написана. Медсестра в лаборатории, не разобравшись в ситуации, чуть было эту бутылочку на голову Лимонаду не вылила и бранилась очень сильно: «Как вам не стыдно! Солидный вроде мужчина, а шутики дурацкие». Сосед оправдываться зачем-то начал. Мол, это фамилия такая, я ее с детства ношу и горжусь! Медсестра не поверила, подумала, что над ней издеваются.

– Интересно, – кричала она в ухо моего соседа, хотя он никогда не страдал глухотой, – какая будет фамилия, когда вы мне анализ кала принесете?

В общем, скандал! Конечно, когда главврач разобрался, извинились и даже сказали: «Приходите к нам еще...» Вряд ли сказали искренне, и настроение у всех, конечно, испортилось. Вот как бывает! Придумал бы английский мудрец такой сюжетец? Да никогда! Высохни его мозги! Уж я-то знаю...

Или вот мой случай. Тоже недавно. После работы. Еду домой. Захожу в трамвай, смотрю – место свободное около девушки с контрабасом. Сел рядом, тихо радуюсь такой okazji в час пик! Подходит ко мне кондуктор, злая такая дама бессмысленно крупного телосложения. Я ей проездной показываю, а она мне ни с того ни с сего заявляет:

– Если захочу, я заставлю тебя платить за твои яйца, как за отдельный багаж.

От растерянности у меня челюсть свело. Но собрался. Отвечаю ей спокойно:

– Тебя чего, тетя, током ударило? Где это написано, чтобы за яйца отдельную плату брали? Вот отрапу с контрабас, тогда и приставай.

Кондукторша посмотрела внимательно, ойкнула, замахала руками и убежала куда-то в хвост второго вагона. А народ вокруг от смеха на пол попадал. Девушку рядом так трясло, что свой контрабас она на меня уронила, а потом, извинившись, рассказала, по какому поводу вокруг такое веселье. Оказывается, именно из-за контрабаса. Вредная кондукторша, увидев инструмент, заявила, что за него положено отдельную плату брать. А мужик с корзинкой яиц, что на моем месте сидел, за девушку заступаться стал:

– Это что же получается? – сказал. – Может, мне тогда тоже за яйца платить прикажете?

Кондукторша сразу не нашла, что ответить, и ушла ни с чем. А когда придумала, вернулась. Мужик к тому времени уже вышел на остановке, а я как раз сел. Вот смеяться после такого или плакать? Что Шекспир советует? Да у него, наверное, и сюжета такого никогда не было. Да точно не было! А вот у меня этих сюжетов – миллион! Бери любой, не ошибешься.

Что далеко ходить. На прошлой неделе отпросился я с работы пораньше. Купил торт в бакалее, бутылку портвейна в палатке напротив проходной и ветку хризантемы у бабки в переходе, около дома. Решил праздник жене устроить. Просто так, без повода. Вот захотелось вдруг – и все! Пришел домой – и что вижу? Постель разобрана, подушки взбиты. Жены, правда, нигде нет, а в ванне, весь в пене сидит совершенно незнакомый мужик и вопит: «Вер-ка! Ты уже вернулась? Раздевайся скорее, я быстро...»

«Ни фиги себе, – думаю, – пришел пораньше!» Надо было чаще такие праздники устраивать! А мужик из ванны голосит: «А муж-то твой когда вернется? Чайку-то (ржет) успеем попить?» Я прямо растерялся от такой наглости. Зашел в ванную и интеллигентно так говорю: «Чаю, значит, хочешь? Ну я тебя сейчас, обмылок, по самую глотку напою! Ты у меня на всю жизнь напьешься, Казанова пенный».

Сначала я его в ванне утопить пытался, но мужик, даром что хилый, верткий попался, да к тому же намыленный. Он все время выскальзывал и норовил убежать, шлепая босыми мокрыми ногами по паласу. В конце концов мне это надоело, выволок я его за дверь в чем мать родила и спустил с лестницы. Но самое интересное, чего уж я никак не ожидал, мужик попытался обратно в квартиру между моих ног проскользнуть. А когда не получилось, намертво уперся руками и ногами в дверную коробку. Осерчал я тут вконец на такое хамство: ну ладно незадачливые любовники, застигнутые на месте преступления, сигают в окно, но чтобы на глазах обратно в дом лезть – такого отродясь не слышал. Разбежался я на пару шагов и дал ему такой знатный пендель, от звука которого задребезжали стекла в подъезде. Противник мой по какой-то замысловатой траектории, считая ступеньки, с минометным воем проскочил лестничный пролет и исчез где-то на нижних этажах.

От всех переживаний выпил я портвейн залпом, прямо из горла, закусил тортиком и стал ждать. Когда жена пришла домой, был я уже на последнем градусе кипения. Руки в боки, глаза навывкате, волосы, как у дикобраза, торчком стоят. «Ну, – думаю, – сейчас я тебе, заразе...»

А она мне с порога:

– Ты чего, один? Где, – говорит, – дядя Петя?

– Какой такой Петя? – отвечаю ей строго, но смятение уже решительно постучалось в мою душу.

– Ах ты гад! – сказала жена. – Ты чего это пьешь? Где, говорю, мой родной дядя из Хабаровска?

Тут я окончательно скис. Я этого дядю живьем никогда не видел, а он возьми и появись. Разница во времени между Москвой и Хабаровском большая. Дядьку сразу в сон потянуло. Жена ему постель организовала, ванну набрала и, чтоб не мешать, к подруге ушла. Ну а дальше вы знаете! Получается, погорячился с этим дядей. Жена – в истерику. «Где, – кричит, – его теперь искать?» Но я ей спокойно говорю: «Далеко не уйдет, у него для этого костюм неподходящий». Сказать-то я, конечно, сказал, но на сердце тревожно было. Все же мало ли что!

Пошли мы на поиски и действительно через час-полтора нашли его на чердаке. Завернулся, бедолага, в дерюжку какую-то, а на дворе уже конец октября был. Дрожал он от холода и скулил жалобно. Я человек сентиментальный, сразу расчувствовался, извиняться стал, мол, прости дурака, своего не признал. Но дядька с гонором попался. Живо собрал свои шмотки и на прощание в дверях сказал:

– Все, враги мы с тобой смертельные!

С тем и отбыл. А жена со мной три дня не разговаривала и в соседней комнате спала. Одним словом, семейная драма на почве глупого недоразумения.

А вы говорите, Шекспир!

Они любят!

Ненавижу людское бессердечие и жестокость. Ненавижу, наверное, потому, что чувствую свою беспомощность перед этими качествами человеческой натуры. Генрих Гейне как-то сказал: «Чем больше я узнаю людей, тем больше мне нравятся собаки». Не хочу анализировать данное утверждение, но признаю, что подчас сам убеждаюсь в его справедливости, и история моя – лишь печальная иллюстрация факта.

Однажды, кажется в конце октября (было достаточно холодно, моросил мелкий противный дождь), перед универсамом в одном из спальных районов Москвы я увидел совершенно поразительное существо. Собака, а это была именно собака, одновременно походила на лемура, дикобраза и мифического грифона размером со средней паршивости дворового кота-доходягу. Довольно непривлекательная внешне, она смотрела на людей такими глубокими и добрыми глазами, что, проходя мимо, трудно было удержаться и не погладить ее по лохматой голове. Фамильярные ласки со стороны прохожих собачка принимала с радостной благодарностью и обезоруживающей доверчивостью.

– Это она хозяйку ждет, – сказала женщина, торговавшая у магазина с лотка сигаретами.

– И так каждый день. Бабулька старенькая, ходит плохо, а эта кроха ее все время ждет. Зимой и летом, в дождь и холод. В магазин с собаками нельзя, вот она, как правильная, и сидит снаружи. Досталось ей в свое время от жестокости человеческой, она и привязалась к старушке. Животные – они как люди, им обязательно надо кого-то любить, только любить они могут намного лучше нашего.

– Вот, казалось бы, – показала продавщица на собачонку рукой, – за что бедняжку мучили? Бессловесная и заступиться за себя не может. Ей и лапу заднюю мальчишки отрубили, и бензином обливали, поджечь хотели. А что она плохого им сделала?

Я поглядел в огромные черные глаза несчастного животного, невольно поражаясь, какое доброе сердечко должно биться в этом маленьком изуродованном тельце, если, несмотря ни на что, она не озлобилась на людей, а, трогательная, с благодарностью сейчас принимала от них ласки, так же, как раньше покорно принимала муки. Что же за существа мы такие – люди, если чужая боль для нас подчас является категорией скорее философской, нежели нравственной?

Размышляя так, я неожиданно вспомнил давнюю историю из детства, которую щадящее время постаралось глубоко запрятать в тайники моей памяти. Когда-то очень давно, когда я ходил пешком подо все, что было выше метра с кепкой, прижился во дворе нашего дома молодой пес, веселый такой барбос, помесь пуделя с двортерьером. Когда точно и откуда он появился, никто во дворе не задумывался. Просто пришел как-то и остался. Детворы в доме было хоть отбавляй, и веселый, общительный пес легко стал всеобщим любимцем. Но сам Ерофеич, а именно так почему-то его прозвали, особенно выделял сторожа Рустама, у дверей квартиры которого он и облюбовал себе место жительства.

Так продолжалось до тех пор, пока жена Рустама не родила ребенка. И тогда шумливого, непоседливого пса стали прогонять от дверей квартиры. А он так любил Рустама и всю его семью, включая того маленького, пахнущего парным молоком. Он никак не мог уразуметь, за что его гонят прочь, и каждый раз возвращался обратно, под дверь, радостным воем и громким лаем встречая людей, которых считал своими хозяевами.

Однажды, устав от упреков жены, дворник просто увел пса в лес и, привязав к дереву, ушел. Однако, воротясь домой, застал его на пороге квартиры. Ерофеич преданно вилял хвостом, а на шее у него болталась удавка с перегрызенным концом. Мы, дети, узнали обо всем случившемся значительно позже. Впрочем, что бы мы могли тогда сделать? Рустам взял бедное животное за лапы и бил его головой о фонарный столб, пока Ерофеич не затих. Но утром, пришедший в себя, еле живой, он уже лежал на коврике под дверью своего мучителя. Опухший и окровавленный пес с трудом подполз к ногам того, кого считал своим вожаком и другом. Не знаю, понимал ли несчастный и верный Ерофеич, что пришел его конец. Не представляю, что вообще могло твориться в голове бедного животного, но пока в нем теплилась жизнь, он полз к заветному порогу. Полз, возможно, в надежде на справедливость, ибо в своей короткой собачьей жизни так и не успел осознать простой истины: человек не собака и не Бог. Человек есть человек. Зверь, возможно, самый опасный и непредсказуемый из всех живущих на земле зверей. И быть ему таковым, пока самому не станет невыносимо от осознания этого.

Взрослые возмущались поступком дворника, но не все. Некоторым было все равно. Дети плакали, горько, но недолго. Потом память услужливо затерла неприятное событие. Вот и всё!

Один мудрец как-то сказал: «Добрые дела встречают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в другой, как родственники своего близкого при его возвращении». Я не знаю, существует ли собачий рай. Но разве не достоин его несчастный Ерофеич, не обижавший при жизни даже окрестных котов и погибший только за свою доброту и преданность? Или бедная собачка-калека, поджидающая свою старую хозяйку у магазина. В чем их вина?

Говорят, мир жесток! Но почему мы делаем его таким? А может, права продавщица сигарет, что стояла около универсама в одном из спальных районов Москвы:

– Собаки – они как люди. Им тоже надо кого-то любить. Только делают они это куда лучше, чем мы!

Синдром Электры

Стук вагонных колес, как плохая мелодия, монотонно и назойливо лез в уши, отдаваясь в висках пульсирующей болью. Словно миллион злобных гномов колотили резиновыми молоточками по истерзанным нервам. Катя приложила горячим лбом к холодному стеклу окна и молча наблюдала за проносящимися мимо унылыми степными пейзажами, словно закольцованными в один бессмысленный и скучный кинофильм.

В коридоре купейного вагона было пустынно и сумрачно. Только у соседнего окна уже давно пристроился молодой человек аспирантской наружности и, страдая от природной робости, мучительно искал повод заговорить со своей красивой и грустной попутчицей. Он перебрал в уме уже тысячу слов, но ни одного из них не мог произнести вслух. Наконец, собрав всю волю в кулак, заикаясь и потев от страха, он промолвил первое, что вырвалось из его словно обмотанного ватой сознания:

– Чудесный вечер... правда?

Катя оторвалась от окна, посмотрела на робкого юношу отсутствующим взглядом и спросила холодным как лёд голосом:

– Почему они так стучат?

– Кто? – удивленно переспросил растерявшийся «аспирант».

– Колеса, – пояснила свой вопрос девушка.

– О! Это очень интересно, – встрепенулся молодой человек, кажется наконец попавший в знакомую среду. – Дело в том, что рельсы нельзя класть вплотную друг к другу, так как летом металл будет расширяться, а зимой – сужаться. Поэтому между рельсами приходится делать термозазоры. Когда колёсная пара наезжает на разрыв, рельсы прогибаются, и колеса как бы запрыгивают со стуком на следующий участок...

Молодой человек хотел было продолжить свою познавательную лекцию, но осекся на полуслове, увидев в глазах собеседницы только боль и пустоту.

– Почему они так стучат в моем мозгу? – раздраженно спросила Катя. И «аспирант», не найдя, что ей ответить, только смущенно отвел глаза в сторону...

Не было на свете человека счастливее Катюши Егоровой в ее семнадцать лет. Во всяком случае, ей именно так всё представлялось, и, надо полагать, не без основания. Легко жить не задумываясь о будущем. Беззаботное детство. Беспечная юность. Дружная, любящая семья. Статный и красивый отец, предмет тайного обожания и откровенной зависти всех Катюкиных подруг. Мать – милая и заботливая хранительница домашнего очага. Самый добрый и любящий человек на планете. Хорошая квартира в престижном районе одного из южных областных центров. Элитная английская спецшкола, и отличная перспектива золотой медали по ее окончании. Друзья-мажоры – все как один из лучших семей города. Прекрасные виды на будущее.

О такой жизни только мечтать, а иметь ее – уже удача. Не жизнь, а магистраль без перекрестков и светофоров.

По закону жанра, в этом месте повествования должно было последовать слово «вдруг», но в этом-то вся штука, любезные мои, что вдруг с людьми никогда и ничего не происходит. Никогда и ничего! «Вдруг» – это лишь форма речи. Удобное слово для обозначения неведомых причин, влекущих за собой непонятые следствия. Всё свершившееся вдруг – это обычная реальность нашего бытия, которую мы по ряду причин просто отказываемся признавать. Еще старик Вольтер говорил, что случайности не существует – все на этом свете лишь испытание, наказание, награда либо предвестие оных.

Катя в своем наивном неведении счастливого и благополучного бытия просто не замечала тех знаков судьбы, которые и соткали ей то самое неожиданное, к которому, как правило, никто не готов заранее. Она пропустила момент, когда в семье что-то изменилось. Стал реже звучать смех. Куда-то ушло веселье. Мама – директор самого лучшего в городе ресторана – как-то замкнулась в себе, осунулась и потеряла интерес ко всему, даже к работе, без которой раньше не представляла себе жизни. Прежде отец шутил, что ревнует жену к работе больше, чем ко всем мужикам вместе взятым, а теперь воспринимал ее как необходимый предмет интерьера, являвшийся таковым скорее по привычке, чем по необходимости. Возможно, причиной тому было назначение отца главным инженером большого оборонного завода, которому он вынужден был отдавать почти все свое время, с утра до позднего вечера. Приходя домой усталым и опустошенным, он, как правило, валился на диван в гостиной и под трескотню скучных новостей или бездарных сериалов мгновенно засыпал, даже не дождавшись ужина. В кровать его приходилось загонять почти силой. А на следующий день все повторялось снова. Видела ли Катя изменения в поведении своих родителей? Разумеется, глазами видела, но ее сознание просто не хотело этого замечать. Твой мир тих и уютен, если в нем нет внешних потрясений. Закрой глаза – и не увидишь чужих слез, включи музыку погромнее – и не услышишь мольбы о помощи. Закрой дверь на ключ – и не заметишь конца света.

Последний раз радость и веселье посетили семью Егоровых весной того года, когда Катя окончила школу, и было это во время выпускного бала. Девушка надела шикарное бордовое платье с аппликацией из розового фламандского кружева, пошитое у какой-то столичной знаменитости за безумные деньги. Мама постаралась как в последний раз. Это платье морально подавило всех выпускниц, каждая из которых втайне мечтала быть первой. Но красавица Екатерина по-королевски позволяла остальным лишь присутствовать на балу. Такое не забывается и не прощается.

Под завистливые и откровенно недоброжелательные взгляды одноклассниц Катя танцевала с отцом белый танец, отобрав его у двух накрашенных до неприличия выпускниц из параллельного класса и всегда снисходительной к ней мамы. От отца головокружительно пахло элитным японским парфюмом и дорогим французским коньяком. Расправив широкие плечи и нежно держа ее за тонкую талию, отец, улыбаясь, говорил, что горд от того, что у него такая красивая и умная дочь. Мама весело смеялась и нежно целовала их обоих так же, как делала это тысячу раз до того. В тот день Катя была счастлива как ребенок, а утром карета снова превратилась в тыкву. Волшебный сон закончился, а жизнь, такая, как она есть, продолжилась без лишней рефлексии и туманных реминисценций. Умение ценить настоящее до того, как оно станет воспоминаниями, – это тонкое искусство, неподвластное праздному уму, а посему покончим с моралью, ограничившись простой констатацией фактов, последовавших затем событий.

Беда пришла в конце сентября. Катя вернулась из университета поздно, но родителей дома еще не было. Давно перестав удивляться этому факту, девушка наскоро перекусила у раскрытого холодильника, заботливо забитого под самую завязку ресторанными разносоломи. После чего, усталая и сытая, она отправилась в свою комнату и спокойно уткнулась лицом в

пуховую подушку, ни о чем особенно не думая и совершенно не встревоженная отсутствием отца и матери.

– Не первый раз... – успокоила она себя вслух, – чуют предки...

Мысли девушки еще покрутились немного вокруг аспиранта Олега Лосева, читавшего у них курс математического анализа и, по признанию некоторых подруг, чем-то очень похожего на ее отца, но мысли показались ей смешными, и скоро уже Катя крепко спала, сбросив одеяло на пол и безмятежно разметав руки и ноги по всей кровати. Спала глубоко, без снов и переживаний.

Утром ее разбудил взволнованный отец, на нем были мятые брюки, вчерашняя рубашка и даже распушенный галстук болтался на шее. Стало очевидным, что спал он в гостиной, на диване.

– Ты маму не видела? – спросил он с ходу, потирая ладонью затёкшую шею.

– Нет. Со вчерашнего утра не видела, – ответила Катя, стеснительно подтягивая одеяло до плеч. – А что?

– Дома не ночевала, вот что! – мрачно пробурчал отец и, развернувшись, вышел из спальни дочери.

Накинув на себя короткий шелковый халатик с драконами, привезенный отцом из Гонконга, Катя выскочила следом взволнованная и даже испуганная до крайности. Такой поступок был совершенно не в характере мамы. Она могла задержаться на работе допоздна, но не позвонить или вообще не приехать домой – случай небывалый.

Отец стоял с телефонной трубкой в руке и искал в записной книжке чей-то номер. Наконец он нашел его и набрал, от волнения едва попадая по клавишам цифр. Прошло некоторое время, пока с той стороны кто-то взял трубку.

– Алло... Пал Евгеньевич? – закричал отец в телефон, как в рупор мегафона. – Что? Нет зама? А кто это? Какой Паша? Бармен!

Отец перевел удивленный, ничего не понимающий взгляд на Катю, растерянно стоящую у края дивана и нервно скребущую ногтями кожаную обивку. Сглотнув комок в горле, он опять принялся кричать в телефон.

– Слушай, Паша, это Сергей Михайлович звонит. Муж Ольги Васильевны. Можешь позвать ее к телефону?... Что?.. Не понял!

В трубке бармен Паша что-то долго и взволнованно разъяснял отцу, а тот молча слушал, не перебивая, и серел, на глазах превращаясь в черно-белую фотографию самого себя. Наконец он медленно и осторожно, как зараженный предмет, положил телефон на тумбочку, постоял в задумчивости и повернулся лицом к дочери.

– Маму арестовали, – произнес он бесцветным голосом и отвел глаза в сторону.

Катя закрыла рот руками, чтобы не закричать от чудовищной нелепости сказанного отцом, и, не в силах стоять, кусая пальцы, присела на край дивана, мыча что-то нечленораздельное.

Маму арестовали за растрату. Очень крупную растрату. Теперь Кате стало многое понятно в поведении матери: и её замкнутость, и вялость, и холодок в общении с родными. Она ждала ареста. Адвокаты только руками разводили. «Совершенно безнадежное дело», – говорили они. Факты, свидетельские показания и собранные документы однозначно указывали на преступление, и обвиняемая свою вину не отрицала. Так что все, что обещали адвокаты, – попробовать сократить срок наказания.

Потом был суд, где Катя вдруг узнала, что мать, предчувствуя скорое задержание, каким-то чудесным образом смогла оформить развод с отцом и выписаться из квартиры. Все понимали, что сделала она это, чтобы не лишать семью привычного комфорта. Женщина всегда останется женщиной. Даже в непростых условиях ожидания неизбежного она прежде всего думала о домашнем очаге и своих любимых. Отец всё знал и сохранил тайну, а вот Катя испы-

тала настоящее потрясение. Великодушный поступок матери она не смогла или не захотела оценить именно так, как его оценили окружающие. Девушка неожиданно и вполне искренне ощутила себя преданной и брошенной. Как ни странно, именно эти чувства испытала Катя, глядя на сидящую в стеклянной клетке маленькую, убитую стыдом и раскаянием женщину. Она ловила взгляд матери, но та смотрела только в пол. Наша жизнь полна добрыми делами и поступками, но они не в состоянии осчастливить всех в равной мере, поэтому люди творят дурные вещи с добрыми намерениями, часто не задумываясь о последствиях.

Ольгу приговорили к пяти годам колонии общего режима и увели под конвоем прямо из здания суда. На этом всё кончилось. Прошлое безвозвратно кануло в Лету с ударом судебного молотка. Началась новая жизнь, в которой не оказалось многих из друзей и приятелей, в которой перестали работать старые связи и полезные знакомства. Впрочем, Сергей, как человек самодостаточный, испытал это в меньшей степени. Он по-прежнему работал главным инженером в своем родном коллективе, который не задавал лишних вопросов. А вот Катя переживала всё намного острее и значительно болезненней. Замкнувшись в себе, она почти никуда не ходила и ни с кем не общалась, хотя желающих отвлечь девушку от печальных мыслей было немало. Но все потуги кавалеров натывались на холодное пренебрежение с ее стороны, что никак не способствовало появлению новых друзей. Впрочем, до друзей ли ей было? Свою кипучую деятельность Катя без остатка направила на поддержание домашнего очага таким, каким он был прежде. Она стирала, гладила, готовила – в общем, пыталась во всём быть как мама, в глубине души понимая, что это решительно невозможно.

Отец опять стал где-то пропадать по вечерам, ссылаясь на срочную работу, а однажды в пятницу просто не пришел ночевать. Катя прождала его до обеда следующего дня. Отец вернулся весёлый и довольный, как мартовский кот. От него пахло женскими духами и табаком, хотя сам он не курил никогда.

– Ты где был, папа? – сердито спросила Катя.

– Да так, – отмахнулся он небрежно, – дела были.

– А позвонить не догадался?

Сергей, неловко улыбаясь, почесал ещё влажный от душа затылок и примирительно ответил:

– Ну прости, Катюха, телефон где-то оставил.

Сергей и представить себе не мог, что дальше дочь устроит ему самую настоящую истерику. Она кричала, что он не может так с ней поступать. В ярости била посуду, стучала кулаками ему в грудь и требовала отказаться от женщин, потому что это нечестно и гадко. Рыдая, Катя упала на диван и, уткнувшись лицом в подушку, выла по-бабьи, истошно и отчаянно. Растерявшийся Сергей неловко сел на край дивана и, положив ладонь на Каткино бедро, слегка пошевелил его, привлекая внимание. Не дождавшись ответа, он, с трудом подбирая нужные слова, произнес, стараясь быть веским и внушительным:

– Ты, Катя, пойми. То, что произошло с мамой, уже не изменить. Мне тридцать девять лет. Мужчина в моем возрасте, не больной, не убогий, не может обходиться без женщины. Это противостоестественно, если уж на то пошло!

Катя резко поднялась и села на диване. Одним движением вытерла ладонью слезы со щек и произнесла решительно, глядя отцу в глаза:

– В общем, так, приведешь женщину – повешусь.

Услышав от дочери такое жесткое условие, Сергей побледнел как мел, сглотнул подбежавший к горлу комок и ушел в свою спальню, не проронив ни слова. До самого вечера он не выходил из комнаты, а к ужину появился побритый, в новых джинсах и свежей сорочке, благоухающий дорогим одеколоном. Они сидели за столом, пили ароматный цейлонский чай с шоколадными конфетами, болтали о разной ерунде и к прежнему разговору больше не возвращались.

Так прошел еще один месяц, и наступил Новый год. Первый Новый год без мамы. Непривычно было отмечать главный семейный праздник вдвоем, но с этим приходилось смириться. Ольга находилась за три тысячи километров от дома в далеком заснеженном Тобольске, и по ощущению расстояние это с каждым днем только увеличивалось. Она удалялась от них фатально и неумолимо. Но как бы там ни было, Катя старательно вспомнила все мамины новогодние вкусности: традиционный тазик оливье, селедка под шубой, холодец, утка с черносливом и торт «Наполеон». Однако все это праздничное изобилие стояло на столе почти нетронутым. Есть совершенно не хотелось. Настроение у обоих было меланхолическое. Дежурно посмотрели «Иронию судьбы...», привычно послушали обращение президента и под бой курантов до дна осушили по большому бокалу игристого и сладкого Asti Mondoro. После шампанского стало весело. Катя смеялась и шутила. Вдруг захотелось все забыть. Из телевизора жидкой резиной лились очередные новые песни о главном. Распустив длинные, черные как смоль волосы по плечам и расстегнув пару верхних пуговиц на блузке, Катя танцевала перед отцом, знаками призывая его присоединиться. Но тот, делая испуганное лицо, смеясь, отрицательно мотал головой, заявляя, что не желает позориться из-за своей неуклюжести. Расслабленно откинувшись на диван с бокалом шампанского в руке, он откровенно любовался статью и красотой своей дочери, с удовлетворением отмечая, что девчонке хоть сейчас на конкурс красоты.

Устав танцевать, раскрасневшаяся Катка плюхнулась на диван рядом с отцом и, отобрав у него бокал, осушила его до дна.

– Давай еще выпьем? – предложила она, свободной рукой хватая со стола початую бутылку Asti.

– А тебе не много? – с сомнением в голосе ответил Сергей, глядя на подернутые хмельной поволокой глаза дочери.

– Ну пап, – захныкала Катя, изображая маленькую девочку. – Это же только шампанское. И потом, если ты забыл, мне уже есть восемнадцать...

Сергей пожал плечами и разлил остатки вина по бокалам. Для него, здорового мужика, бутылка игристого была простой разминкой, а вот Катке после выпитого стало очень плохо. Пустой бокал выпал из ее ослабшей руки и закатился под стол. Девушка уронила голову на грудь и медленно сползла на ковер.

– Я же говорил, – досадовал Сергей, легко, как пушинку, взяв Катю на руки.

– Не стоило так пить. Шампанское – штука коварная.

Катя нежно обняла отца за шею, молча положив голову на его плечо.

– Ладно. С кем не бывает! – трезво рассудил Сергей, прижимая свою ношу к груди. – Давай я тебя спать отнесу.

Отец принес Катю в спальню и осторожно положил на кровать, но едва он попытался выпрямиться, как девушка крепко схватила его руками за голову и прижалась жаркими влажными губами к его губам. В свои восемнадцать лет Катя не просто не знала мужчин, до этого момента она даже никогда не целовалась с ними. И вдруг столько пыла и страсти, будто за плечами немалый опыт соблазнения.

Сергей опомнился и попытался отстраниться от иступленной, словно потерявшей рассудок дочери, но та, как кошка, обхватила его руками и ногами, не давая вырваться. Она осыпала его лицо страстными поцелуями и, как заезженная пластинка, повторяла лихорадочно одно и то же, будто от этого зависела ее жизнь. Это была не мольба, а требование. Предельно жесткое и мучительно сладкое.

– Не ходи к другим бабам, не пушу! – рычала она, как рассерженная пантера. – Ты мой! Зачем тебе другие? Смотри!

Улучив момент, она рванула на себе блузку. Пуговицы с треском разлетелись в разные стороны, обнажая красивую девичью грудь с маленькими розовыми сосками, похожими на

бутоны волшебных цветов, уставших ждать часа своего цветения. Катька прижала лицо отца к своей груди:

– Смотри! Что тебе еще надо?

Сергей вдохнул в себя пьянящий аромат невинного юного тела. Оно источало волны запахов. Были здесь и ваниль, и мускус, и ладан с карамелью, и черт его знает сколько еще неведомых головокружительных благовоний, создающих неповторимый букет запретного плода, судьба которого висела на волоске морали. Сергей вдохнул и захлебнулся. И без того не стальная воля легко сломалась при столкновении с непредвиденным искушением. Все-таки мужики – существа изрядно примитивные. Инстинкт в них сильнее рассудка.

Можно сколько угодно рефлексировать по этому поводу, но, по сути, все было предрешено заранее. Бастионы пали прежде всего потому, что защитник втайне сам желал своего падения. Были ли тому причиной угнетенное одиночество, обычная похоть или нерастраченное желание, значения уже не имело.

Сергей вошел в нее осторожно и мягко, с каждым движением увеличивая силу и глубину проникновения. Катя глухо застонала от пронзившей ее изнутри боли, вцепившись ногтями в простыню. Она почувствовала кровь, тонкой струйкой вытекавшую из нее, и напряглась. Сергей остановился на несколько мгновений, давая ей привыкнуть к новому ощущению, и возобновил движения, как только она вновь расслабилась. Боль скоро утихла совсем. Осталось только вселенское ощущение блаженства, уносящего куда-то далеко за облака. Хотелось кричать и плакать от счастья и наслаждения. Ее ноги поползли вверх и сомкнулись у Сергея на пояснице...

Потом пришло утро, ничего не изменившее. Ночью границы, разделявшие их, оказались разрушены, и обратного пути уже не было. Могли они прекратить противоестественные отношения между собой, объяснив всё наваждением, соблазном и алкоголем? Этот непростой вопрос упирается в другой: а имелось ли у них желание всё прекратить? Если станет так, что этого желания у них не было, то рецепты извне теряют смысл. Нет лекарств, способных вылечить порок там, где он становится нормой жизни.

Сергей и Катя, наплевав на нормы приличия, наслаждались неожиданным своим счастьем. Об Ольге никто из них уже не вспоминал и не думал. Словно и не было ее в прошлой жизни. Забыли. Вычеркнули даже из памяти. Ольга первое время часто писала им письма, но, не получив ответа ни на одно из них, тоже замолчала. А в ноябре родился Сереженька, совершенно здоровый мальчишка. Любимое дитя. Плод запретной любви. Человек – существо социальное. Он не живет в вакууме. Вокруг него всегда масса тех, кто искренне интересуется пикантными подробностями чужой жизни. И вот парадокс. Как ко всему, что творилось в семье Егоровых, относились окружающие? Да пожалуй, что никак. Дома у них никто не бывал. Близких друзей не осталось. Немногочисленные родственники жили очень далеко, все равно что на другой планете, а соседи проявляли активность только тогда, когда кто-то подло тырил лампочки в подъезде. Все остальное, если это не выносилось на общественное поругание, ими откровенно игнорировалось.

Так прошло два года. Воскресным вечером, сразу после ужина, в дверь позвонили. Катя и Сергей не сговариваясь вместе пошли открывать, удивляясь столь позднему визиту, ибо давно уже отвыкли от гостей в своем доме. На пороге квартиры стояла Ольга в нелепом кардигане, черной плиссированной юбке и стоптанных сапогах «на манной каше». Сергей и Катя остолбенели, от неожиданности потеряв дар речи и способность соображать. В глубине души каждый из них понимал, что этот момент наступит рано или поздно, но получилось, что он наступил как-то уж слишком рано. Войдя в прихожую, Ольга разъяснила эту неловкость. Ее освободили досрочно. И вот она стояла перед ними, худая, осунувшаяся, совершенно чужая женщина. Тихо стояла, прислонившись спиной к вешалке, и ждала, что ей всё объяснят. Расскажут, что же случилось с ее любимыми за прошедшие три года. Объяснят, за что они ее бросили в тот

момент, когда ей было особенно тяжело. Объяснения были мучительными и страшными, как операция без наркоза. Узнав всё, Ольга, закрыв лицо руками, завывала в голос и в изнеможении опустилась на тумбу в прихожей. Сергей отвернулся, кусая губы, а Катя, не выдержав материнского крика, в отчаянии упала на колени, обняла ноги матери и зашептала, как в бреду, целуя пыльные голенища ее сапог:

– Мамочка, милая, прости, если можешь!

Ольга посмотрела на дочь глазами, полными слез и боли.

– Бог вам судья, – произнесла она хриплым, едва слышным голосом. – Только не прогоняйте меня, пожалуйста, я буду нянчить внука.

Этот взгляд, полный мольбы и материнского всепрощения, вывернул Катину душу наизнанку. Она завывала по-бабьи, истошно, во все горло, и принялась обнимать свою мать, заливая ее слезами. А у Ольги слезы высохли. Она сидела на обувной тумбочке в собственной прихожей, смотрела прямо перед собой глазами побитой собаки и нежно гладила Катю по голове, сотрясающейся от безудержных рыданий.

Как и хотела, поселилась Ольга в комнате с маленьким Сережкой, устроившись на старой продавленной раскладушке. Катя ушла к себе, а Сергей, переспав ночь на диване, рано утром собрал пару чемоданов и уехал к брату. Жизнь раненой птицей заковыляла дальше, оставляя за собой окровавленный след моральных увечий и душевных ран. Катя надеялась, что со временем все образуется и пойдет своим чередом, но по ночам маму мучил сильный кашель, а по утрам в раковине иногда оставались следы крови. На все уговоры дочери Ольга только отмахивалась.

– Это не заразно, – говорила она. – Я в больницу не лягу. Дайте пожить спокойно.

Ольга таяла на глазах и через полгода тихо и незаметно ушла из жизни, унеся с собой всю боль и страдания, на которые во многом сама себя обрекла. Не будем судить строго. Такова жизнь. Артур Шопенгауэр по этому поводу был предельно категоричен, когда заявлял: «Есть только одна врожденная ошибка – это убеждение, будто мы рождены для счастья». Лучше и не скажешь!

Катя похоронила мать на старом кладбище, рядом с могилами деда и бабки. Отец пришел на похороны с большим букетом желтых хризантем. Он подошел к Кате, мягко взял за локоть, но та, резко отстранившись, испепелила его убийственным взглядом и прошипела с ненавистью:

– Убирайся. Видеть тебя не могу.

Сергей вздрогнул, побледнел, положил букет на свежий могильный холмик и молча ушел прочь. Больше они с ним не встречались.

Отметив сороковины, Катя собрала все необходимое, купила в кассе билет до Тобольска и вместе с Сережкой просто уехала туда, где ее мама провела три последних года.

...Скорый поезд качало из стороны в сторону, как старый баркас на волнах. Проходящая мимо пожилая проводница спросила Катю высоким грубым голосом:

– Мамаша, это не ваш ребеночек в пятом купе плачет?

– Мой! – всполошилась Катя и, сорвавшись с места, в два прыжка скрылась за дверью купе.

– Ну вот, – с неприязнью глядя на «аспиранта», проворчала проводница. – У нее там ребенок плачет, а она с кавалерами флиртует. Вот молодёжь пошла!

Смущенный её недовольством, молодой человек приложил голову к холодному стеклу окна и с тоской смотрел на унылые степные пейзажи, проносящиеся мимо. А скорый поезд между тем прыгал колесными парами через термозаворы рельс, унося своих пассажиров из навсегда покинутого прошлого в никому не ведомое будущее без остановки в неясном настоящем. Таковы условия перевозки. А вы что думали?

25 апреля 2018 г.

Суицид и прочие неприятности

Последние лет двадцать из своих неполных пятидесяти Тимофей Петрович Хват был лыс, как седалищная мозоль, и страдал от этого неимоверно. Иной раз увидит на улице спящего пьянчугу и сокрушается:

– Ну ты посмотри, ведь скотина скотиной, а шевелюра как у павиана. А тут и не пьешь, и лысый, как последняя сволочь.

Будучи по натуре мечтателем, имел Тимофей Петрович подчас странные фантазии.

– Хорошо собакам, – рассуждал он иногда. – Кость кинул, по башке погладил – и никаких проблем. Вот бы и нам так. В стране – развал, дома – бардак, на работе – нервотрепка, а ты подошел к начальнику и говоришь: «Знаешь, что, Семеныч, почеси мне за ухом!»

Вот такой человек! Услышит, бывало, где что появилось, какое новое средство для ращения волос, – он в первых рядах. И мажет, и втирает, и прижигает, и внутрь какую-то дрянь глотает, а все одно голова – как бильярдный шар. Но Хват – оптимист отчаянный.

– Надежда, – говорил, – у меня помрет предпоследней, сразу передо мной.

Иные его жалели:

– Тимоха, наплюй на лысину, дурак, от нее уже сияние идет. Ночью без фонаря видно. Еще пара таких испытаний – и отмучилась твоя надежда.

– Нельзя, – отвечает. – Как же я на нее плюну? Лучше сразу в гроб, чем такое свинство терпеть.

Заклинило мужика на идее. Тут недавно показывали по телевизору одного целителя. Чудной такой дядька, молчаливый. Он все больше руками размахивал и в экран пялился, а потом между прочим продиктовал рецепт от облысения. Совсем не думал экстрасенс о последствиях. Тимофей рецепт услышал и записал. И, как всякая деятельная натура, сразу приступил к реализации.

Перво-наперво он что-то долго перетирал в ступке, потом смешивал это что-то с другой, ужасно вонючей дрянью, разбавлял все водой, сливал в банку и два часа тряс ее с интенсивностью бетономешалки. Все как в записанном рецепте, за исключением мелочи. Не найдя один очень редкий элемент, Хват, руководствуясь каким-то сомнительным позывом внутреннего голоса, решил заменить его составом со спичечных головок. Пока спички строгал, все пальцы порезал. Двадцать коробков извел, не пожалел! В самом конце он тщательно прокипятил свое зелье в скороварке и запихнул в холодильник. Ночью холодильник взорвался.

Сила взрыва была такова, что у соседей повылетали стекла из окон и осыпалась штукатурка. А ветеран великих строек тридцатых годов дед Мироныч, живущий на одной с Тимохой лестничной площадке, когда его входная дверь слетела с петель и в квартиру повалил едкий дым, почему-то вдруг решил, что опять пришли времена Павки Корчагина. То ли с испугу, то ли от недосыпа он повязал себе на шею пионерский галстук, прицепил комсомольский значок и всю ночь пел песни своей огневой юности. Когда утром за ним пришли санитары, он долго отбивался, пытался даже укусить одного здорового облома в белом халате и все время кричал: «Врете! Не возьмете, белые гады!» В общем, можно сказать, отделался старик легким испугом.

Компетентные органы решили выяснить, что за гадость изобрел очень вдруг заинтересовавший их Тимофей Петрович Хват. Даже заставили его проделать все заново, а рядом очкарика ученого посадили, то ли физического химика, то ли химического физика. Кто его теперь разберет? Так вот, очкарик этот, пользуясь тем, что дверей на лестничной площадке ни у кого не было, съел годовой запас огурцов у деда Мироныча, а когда опять рвануло, тихо собрал манатки и растворился навсегда. Ни благодарности, ни денег не оставил. Вот такие люди пошли, а еще интеллигенцией прикидывался, очки надел! Мироныч, тот сильно расстроился,

очень ему огурцов жалко было. Но Тимофей Петрович на такие мелочи только рукой махнул, тут бы от лысины избавиться...

Он и в третий раз проделал все основательно, но на этот раз уже в точности соблюдая рецепт народного целителя. Получилась какая-то подозрительная субстанция грязно-зеленого цвета с запахом тухлой рыбы и мази Вишневского. Смотреть на неё было противно, а пользоваться страшно. Но с решимостью подлинного естествоиспытателя Хват намазался этой гадостью и стал ждать результатов, и результаты не преминули сказаться. Голову с утра он поднял вместе с подушкой. А к полудню выяснилось, что лысина его стала объектом пристального внимания всех окрестных мух. Они слетались тучами, садились на голову и уже через секунду насмерть прилипали. Причем слой за слоем. Изобретение это, конечно, серьезное, возможно даже эпохальное, но с точки зрения простого обывателя, совершенно бессмысленное, поскольку с таким натюрмортом на голове не то что перед людьми – перед зеркалом стыдно. Недельку Тимоха мыл голову керосином, растворителем и хозяйственным мылом из Мухомоево, в котором, говорят, даже сухие мозоли растворяются без следа, а когда наконец отмыл, лысина стала идеально полированной, словно крышка роскошного гроба.

Случилось тут у Хвата самое настоящее разочарование в жизни. Пропала вдруг вера в себя. «Вот ведь хрень какая!» – подумалось ему тогда. А тут еще свежее контуженный ветеран Мируныч масла в огонь подлил. Приковылял, стуча костылем о паркет, и начал жаловаться на свои беды, как будто у Тимохи в собственных проблемах недостаток имеется! Ему, видите ли, повестка из военкомата пришла о призыве на срочную службу. Дедулька хотя и был человеком законопослушным и патриотически настроенным, но служить совсем не хотел. Испугавшись строгого приказа военкома, он сразу пошел в больницу, потому что от старости про другие государственные учреждения и не помнил. Но оттуда деда выгнали в три шеи, да еще попеняли. Как, мол, не стыдно в таком возрасте под дурака косить.

– Это ошибка, – оправдывался Мируныч, – мне уже восемьдесят стукнуло!

На что ему резонно заметили, что они не паспортный стол и их такие ошибки не касаются, а если всем давать справки, то кто тогда Родину защищать будет? Подумал Мируныч, подумал, да и собираться стал. Ходил теперь по квартирам и спрашивал у всех, какие вещи с собой брать, а то он за давностью лет позабыть все успел.

Выпроводив деда-призывника, Тимофей Петрович Хват испытал острый приступ реактивной депрессии. Совсем скверно ему тогда стало. Решил, что с него хватит. Устал!

– К чертям! – сказал. – Покончу с собой – и нет проблем.

В этот момент Хват был предельно собран и основателен. Как всякая цельная натура, к смерти своей он подошел профессионально, с полным вниманием к мелочам. Начал с прощального письма людям, зайдя, впрочем, очень издалека, записывая собственные мысли о Жизни и Смерти. На листе школьной тетради он старательно вывел первую из последних мыслей: «Лично я не боюсь собственного конца...», потом подумал и дописал: «...а другие его бояться!» Перечитал пару раз и засомневался:

– Чего-то не очень как-то? Про конец...

Сообразив, что, обладая весьма сомнительными литературными талантами, он, пожалуй, не сможет донести до человечества весь трагизм момента, потому порвав листок, решил сразу перейти ко второй части плана. Взял он старое охотничье ружьишко своего деда, бельевую веревку и вышел на балкон. Сценарий суицида был замысловат и не лишен изящества. Предполагалось, что, произведя выстрел себе в грудь, Тимофей повиснет под тяжестью тела на бельевой веревке в амбразуре балкона, символично олицетворяя собой немой укор живым за все свои несбывшиеся мечты. Подумать только, что с человеком может сделать богатая фантазия! Но, то ли нога, которой Тимоха спускал курок, в последний момент дрогнула, то ли было еще что-то, что помешало осуществлению плана, но только дробь прошла мимо, а бельевая веревка

от ветхости лопнула в самый неподходящий момент, и незадачливый самоубийца, рухнув вниз с пятого этажа, сломал себе ногу.

Вот такая вот грустная история имела место быть совсем недавно в одном маленьком, тихом городке средней полосы России. Теперь, говорят, Тимофей Петрович Хват лежит в гипсе и ругается с начальством из-за того, что ему не оплачивают больничный лист.

Драматургия

Российский
колокол

Бобров Глеб

Писатель, драматург, глава Союза писателей ЛНР.

Родился 16 сентября 1964 г. в городе Красный Луч. Ветеран войны в Афганистане, награждён медалью ДРА «За отвагу».

В 2007 г. издательство «ЭКСМО» выпустило сборник «Солдатская сага», куда вошла вся «афганская» проза автора. За рассказ «Чужие Фермопилы» получил премию журнала «Звезда».

В 2008 году вышел роман-антиутопия «Эпоха мертворождённых», посвящённый гипотетической гражданской войне на Украине. Роман приобрел статус пророческого и выдержал шесть переизданий.

Соавтор резонансных литературоведческих исследований «Тарас Шевченко – крестный отец украинского национализма» (2005 г.) и «Украинка против Украины» (2012 г.).

В сентябре 2015 г. в Луганске опубликовал сборник документальных очерков «Луганское направление».

По состоянию на весну 2017 года возглавляемый Бобровым Союз писателей ЛНР издал три заметных литературных сборника: «Я дрался в Новороссии!», «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса».

Член Союза писателей России, награждён серебряной медалью Василия Шукшина за № 78.

Поцелуй рыси *Драма в двух действиях*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА РЫСЯКИНА – элегантная женщина.

АРСЕНИЙ ЭДУАРДОВИЧ ШКОРНЯК – видный мужчина. Массовка – работники ремонтных и аварийно-спасательных служб, полиция, голос в портативной радиостанции, посетители торгово-выставочного комплекса «Панкратон».

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Современный торгово-выставочный комплекс. У дверей лифта стоит импозантный мужчина. Деловито просматривает планшет. Двери открываются, он входит в лифт. Следом за ним едва успевает молодая красивая женщина. Оба неприятно удивлены неожиданной встречей.

ЕЛЕНА РЫСЯКИНА. Ух ты...

АРСЕНИЙ ШКОРНЯК. Господи... Ты-то тут что делаешь?

ЕЛЕНА РЫСЯКИНА. Вообще-то я здесь работаю.

АРСЕНИЙ ШКОРНЯК. Да?! Бывает и хуже... Мне шестой, кстати...

ЕЛЕНА РЫСЯКИНА. Ух ты два раза!

Рысякина нажимает кнопку шестого этажа.

ЕЛЕНА РЫСЯКИНА. Надеюсь, Арсений Эдуардович, вы не выкупить наш комплекс приехали?

АРСЕНИЙ ШКОРНЯК. Вас?! Не вижу цветов и оркестра... Что, у Панкрата так плохи дела?

ЕЛЕНА РЫСЯКИНА. Да... годы проходят, люди не меняются...

Лифт, проехав пару этажей, вздрагивает и останавливается. Включается аварийное освещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.